

Часы пробили трижды, возвещая приход часа Быка, когда Сяо Юй, ступая по следам в форме крыс, выбитым в стыках между кирпичами, развернулся на пол-оборота.

А-Фу, прижимаясь к основанию стены, прикрывал рукой фонарь, оберегая его от ветра, как вдруг из тени в свете лампы выскочили две серые крысы и, волоча за собой тягучий индиговый след, юркнули в щель.

— Господин, хвосты у этих тварей испачканы в... — А-Фу не успел договорить, как позолоченный кинжал Сяо Юя уже поддел мох на верхушке стены.

Ядовитая жидкость цвета индиго под лунным светом отливала зловещим блеском. Извилистая дорожка обрывалась у выцветшего рисунка на стене: крыса, приносящая богатство, держала в лапках ландыш с фиолетовым стеблем, а на его тычинках застыл соляной налет, похожий на ледяные кристаллы.

Сяо Юй коснулся кончиком пальца соли, растер её и вдруг издал развязный, хулиганский свист, обращенный прямо в дыру в стене.

Когда кирпичная кладка с грохотом сдвинулась, в лицо ударил зловонный запах лекарств вперемешку с кровью. В двадцати шагах, у лотка с фонарями, семь или восемь человек в масках для танца «нуо» разом повернули головы.

— А вот и новые лица, — старуха, торговавшая фонарями, осклабилась, обнажив черные зубы. В свете бамбуковых фонарей было видно, как по её шее расползаются фиолетовые пятна. — Плата за проход двойная. В последнее время чиновников, проверяющих Стелу заслуг, развелось слишком много.

А-Фу потянулся к кошельку, но Сяо Юй внезапно перехватил его запястье.

Его пояс с серебряным шитьем мелькнул в свете фонарей, и, склонив голову, он с напускной развязностью растянул в усмешке свое заgrimированное желтое лицо:

— А саше для отпугивания чумы, что висит у вас на поясе, бабуля, небось набито жиром покойников с южного кладбища? — Он ловко подцепил кинжалом фонарь. — Какое совпадение, ведь три дня назад от чумы скончался господин Лю...

Старуха с силой ткнула древком фонаря в горло Сяо Юя, но тот отразил удар, выставив вперед Записи о диковинных травах Южного края.

Между страниц посыпался мелкий индиговый порошок. Стоило ему коснуться бумаги фонаря, как та мгновенно прогорела, оставив дыру в форме крысы.

Вокруг лотка поднялся кашель — один за другим люди в масках, словно увидев призраков,

поспешно отступили.

А-Фу воспользовался моментом и потащил Сяо Юя в темный переулок. Позади донесся визгливый крик старухи:

— Это ядовитые крысы из Павильона Теней!

Лишь теперь черный рынок показал свое истинное лицо.

Горы гнилых снадобий, торговцы в золоте и серебре, притаившись в тени, точили ножи, а в стеклянных сосудах под кроваво-красными фонарями мерцали ядовитые насекомые.

Сяо Юй внезапно остановился перед лавкой с вывеской Сиамские благовония. Шрам на лице торговца при его улыбке исказился, став похожим на многоножку.

— Ландыш с фиолетовым стеблем? — Торговец постучал нефритовым мундштуком, и искры упали на серебряный узор крысы на рукаве Сяо Юя. — Чиновники уже три дня прочесывают рынок в поисках этой штуки. Что касается остатков... — он выставил три пальца. — Три тысячи лянов. Наличными.

А-Фу охнул, но звук его голоса потонул в смехе Сяо Юя.

Первый повеса столицы сейчас выглядел как самый обычный уличный пройдоха. Он пнул корзину с рогом носорога и, ступая по разбросанным повсюду лекарствам, приблизился к торговцу:

— Чиновник Чэнь сегодня утром уже зарыл под Стелой заслуг восемь тысяч лянов, чтобы спасти свою шкуру, а вы просите...

Холодный блеск!

Пять отравленных кинжалов вырвались из груды снадобий. Сяо Юй, развернувшись, взмахнул поясом, выпустив облако индигового ядовитого тумана.

А-Фу едва успел отразить короткой дубинкой атаку двоих, как вдруг почувствовал холод в спине — из нефритового мундштука торговца выскочило лезвие, целясь прямо в сердце.

— Уходи!

Кинжал Сяо Юя, прорезав воздух, полетел в цель, но тут сбоку вылетели три медные монеты, с невероятной точностью сбив и мундштук, и кинжал.

А-Фу, пошатнувшись, опрокинул аптечный шкаф. Десятки стеклянных бутылей с грохотом разлетелись, и разноцветные ядовитые порошки вперемешку с насекомыми залепили лица нападавших.

— Смешать индиговый яд с пеплом Пилюли Красного Пиона — мастерство владения порошком Крыса и воробей у главы Павильона Теней становится всё искуснее. — Человек в синем халате плавно опустился с балки, на его поясе блеснула табличка из черного железа с надписью Зал Ста Трав.

Он взмахнул рукой, бросая флакон. Торговец со шрамом, пытавшийся стереть яд с лица, вдруг застыл, и из всех семи отверстий его головы хлынула черно-фиолетовая кровь.

Сяо Юй поймал вернувшийся кинжал, с острия которого капала кровь:

— И кто бы это мог быть? Не тот ли, кому три года назад Ядовитый человек прогрыз штанину...

— Заткнись! — Человек в синем сорвал шляпу, обнажив лицо, изъеденное язвами. — Ландыш с фиолетовым стеблем растет в конце Крысиной тропы, но сегодня ночью он нужен не только Павильону Теней.

Он щелкнул пальцами, и серебряная игла, летевшая в Сяо Юя, внезапно изменила траекторию, пригвоздив кровавое насекомое, пытавшееся прыгнуть на А-Фу.

Труп торговца начал неестественно дергаться, под кожей вздувались десятки блуждающих опухолей.

Человек в синем нахмурился и пнул тело:

— Ты связался с торговцами трупными гу в Южном крае. Перед продажей товара они всегда подсаживают покупателя...

Не успел он договорить, как Сяо Юй внезапно распахнул ворот одежды А-Фу.

На ключице юноши отчетливо виднелась красная точка размером с укол иглы, а вокруг неё уже расплзалась паутина синих вен.

— Противоядие в обмен на ландыш. — Кинжал Сяо Юя непонятным образом оказался у горла человека в синем, но на лице его по-прежнему играла усмешка. — Вкус предателя из Зала Ста Трав, пострадавшего от собственных ядовитых тварей, куда горше, чем у цукатов из сливы, что готовит мой А-Фу.

Человек в синем уставился на капли индигового яда на лезвии и вдруг хрипло рассмеялся.

Он швырнул бамбуковый тубус прямо в руки Сяо Юю. На лепестках ландыша внутри еще блестела ночная роса.

— Я хочу, чтобы ты выкопал...

Последние слова растворились в шепоте, поглощенном запахом крови.

Зрачки Сяо Юя сузились. Вдалеке слышались тяжелые шаги, и А-Фу увидел, как на вечно беспечном лице его господина промелькнуло ледяное намерение убить.

Прежде чем скрыться в тени, человек в синем щелчком пальцев поджег ядовитый порошок.

Когда кровавое пламя взметнулось вверх, из рукава Сяо Юя выскользнула коробочка с цукатами. Сахарная глазурь от растворенной Пилюли Красного Пиона на дне коробочки как раз успела прикончить насекомое, пытавшееся приблизиться.

— Господин, что он просил? — Руки А-Фу, сжимавшие ландыш, дрожали.

Сяо Юй сунул коробочку ему за окровавленный пазуху и позолоченным кинжалом отбил летевшие искры:

— Он хочет, чтобы мы разорили родовую гробницу чиновника Чэня. — Он рассмеялся так, что плечи его затряслись, будто речь шла о пустяковом вине в павильоне Пьяного бессмертного, но взгляд его был прикован к бронзовому фонарю в конце черного рынка, который внезапно погас.

Кровавый оттенок медленно полз по серпу луны. Когда пробили второй удар барабана, аромат ландыша смешался с трупным зловонием, перевалившим за высокие стены.

В храме на окраине, в пяти ли вглубь, Стела заслуг внезапно треснула, и имя, высеченное сегодня утром самим чиновником Чэнем, рассыпалось как раз на иероглифах насильственный сбор.

Человек в синем постучал пальцем по клейму Чэнь на дне тубуса, и роса третьего часа ночи стекла по стенкам прямо в ладонь Сяо Юя.

А-Фу хотел было что-то сказать, но увидел, как с опущенных ресниц его господина осыпался индиговый порошок — верный признак того, что глава Павильона Теней по-настоящему жаждет крови.

— В тридцати ли к западу от горы Бэйман, во рту каменного зверя, охраняющего гробницу клана Чэнь, спрятана Ледяная душа. — Человек в синем вытряхнул из рукава половину

пожелтевшей карты. Сяо Юй заметил на краю рисунок змеи, обвивающей гриб бессмертия, и внезапно вспомнил, что в прошлом месяце, когда Шэнь Циньгэ растирала травы, на её рукаве, опаленном жаром печи, был точно такой же узор.

Искренний крик А-Фу был заглушен криком ночной совы. Сяо Юй взмахнул кинжалом, разрезая собственный рукав.

В тот же миг, когда поднялся индиговый ядовитый туман, торговцы, точившие ножи в двадцати шагах, повалились в кучу снадобий: в их затылки вонзились серебряные иглы, пропитанные сахарным сиропом.

— Вскрывай гроб в три четверти часа Быка. — Медный ключ, брошенный человеком в синем, пролетел мимо уха Сяо Юя, пригвоздив кроваво-красное насекомое. — Ледяная душа тает от жара. Боюсь, в отваре, который госпожа Шэнь готовит для больных в зоне эпидемии, не хватает именно этого ингредиента.

Сяо Юй кончиком языка поддел коробочку и с хрустом разгрыз последнюю засахаренную сливу.

А-Фу видел, как кадык его господина дернулся под лунным светом. Смутное согласие, смешанное с выплюнутой косточкой, упало в щель между кирпичами, и в этот момент дикие собаки под Стелой заслуг внезапно начали рыть землю.

На горе Бэйман в час Тигра моросил мелкий дождь. Сяо Юй сбил голову каменному зверю, пока А-Фу подливал снотворное в чайник сторожа гробницы.

Ледяная душа во рту бронзового зверя отливала синевой, освещая желтое лицо господина, заgrimированного под управляющего дома Чэнь — даже бородавка с волоском на подбородке была точь-в-точь как у настоящего.

— Господин, эта Ледяная душа... — восклицание А-Фу застряло в горле.

В синем тумане от тающей Ледяной души внезапно всплыли плотные ряды яиц насекомых. Позолоченный кинжал Сяо Юя уже успел проколоть ему средний палец, и капля индиговой крови, упавшая в туман, сгорела с запахом гари.

Вдалеке слышался топот копыт. Сяо Юй потянул А-Фу за собой в лаз расхитителей гробниц.

Рев законного сына чиновника Чэня стряхнул пыль со стен:

— Кто посмел тронуть драконью жилу моего рода Чэнь! — Когда свет факелов проник внутрь, А-Фу с ужасом обнаружил, что шея его господина неестественно искривлена — точь-в-точь как при симптомах удушья, о которых упоминала госпожа Шэнь во время демонстрации

иглоукалывания.

— С-старший молодой господин! — Хриплый голос Сяо Юя заставил А-Фу похолодеть. — Старый раб преследовал грабителей досюда... — Он дрожащей рукой поднял кусок Ледяной души, в свете факела яйца насекомых с треском лопались. — Этот вор использовал злые чары Южного края...

Пока стража дома Чэнь тошнило от вони, из рукава Сяо Юя выскользнул флакон.

А-Фу уловил аромат античумных благовоний, приготовленных Шэнь Циньгэ, и внезапно понял, зачем господин так рисковал ради половины Ледяной души — дети в зоне эпидемии, охваченные жаром, ждали именно этого лекарства, способного успокоить дух и сбить температуру.

В час Кролика на черном рынке поднялся дым от кухонь. Человек в синем сидел на черепице и растирал травы.

Ледяная душа, брошенная Сяо Юем, была завернута в сахарную бумагу и в утреннем свете отливала янтарем:

— Ледяная душа, которую ты просил, и ландыш, который нужен госпоже Шэнь.

— Глава Сяо умеет торговаться. — Человек в синем внезапно открыл корзину, и роса с ландыша капнула прямо на Ледяную душу.

Когда поднялся индиговый дым, А-Фу увидел, как господин поймал сахарной бумагой лекарственный порошок, образовавшийся из дыма — это был рецепт Порошка Сгущенная роса, о котором госпожа Шэнь просила в письме, доставленном почтовым голубем позавчера.

В карете на обратном пути Сяо Юй поглаживал выгравированные на дне флакона крошечные слова Циньгэ.

А-Фу внезапно заметил, что за ухом господина край грима отошел, обнажив настоящую кожу, на которой виднелся шрам в форме полумесяца — в прошлом году, когда госпожа Шэнь прикрыла его от скрытого оружия, кончик её золотой шпильки оставил точно такой же след.

— Господин, засахаренные сливы... — А-Фу не успел договорить, как Сяо Юй внезапно перехватил его запястье.

В щели занавески мелькнул край серо-зеленой одежды, и в утреннем тумане потянуло знакомым запахом трупного жира.

Порошок на кончиках пальцев господина оставил на флаконе след в форме крысы, а уголки его губ изогнулись в нежной улыбке:

— Прежде чем вернуться в зону эпидемии, нужно занести доктору Шэнь немного свежей еды.

Флакон внезапно оказался за пазухой А-Фу. В тот миг, когда Сяо Юй, откинув занавеску, выпрыгнул из кареты, в двадцати шагах одновременно взорвались паровые корзины лавочки с булочками.

В раскаленном пару три отравленных железных крюка, едва не задев пояс с серебряным узором крысы, вонзились в дышло кареты, а яйца насекомых на их остриях в утреннем свете отливали тем же зловещим синим цветом, что и Ледяная душа.

<http://bllate.org/book/18527/1781934>